

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2.796

М.А. Богданова

КУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОЛИМПИЗМА: ОТ АНТИЧНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Статья посвящена анализу олимпизма как особой духовной доктрины, зародившейся в Древней Греции и возрожденной в современную эпоху П. де Кубертенем. Автор анализирует принципы античного, кубертеневского и посткубертеневского олимпизма и показывает связь его основных принципов и способов репрезентации с мировоззренческими особенностями эпохи. Раскрывается роль честного спортивного состязания как способа формирования гармоничной личности.

Ключевые слова: античный олимпизм; кубертеневский олимпизм; посткубертеневский олимпизм; спортивное состязание.

Понятием «олимпизм» в современной культурной традиции обозначают доктрину, положившую начало современному олимпийскому движению, которая была разработана и реализована Пьером де Кубертенем в конце XIX – начале XX в. Принципы олимпизма зафиксированы в Олимпийской хартии, в соответствии с которой олимпизм представляет собой философию жизни, возвышающую и объединяющую в сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума человека. Декларируемой целью олимпизма является повсеместное становление спорта на службу гармоничному развитию человека с тем, чтобы способствовать построению нового общества, главной целью которого станет сохранение человеческого достоинства. Для олимпийских интенций характерно соединение спорта с культурой и образованием, формирование образа жизни, основывающегося на радости от усилия, на воспитательной ценности хорошего примера и на уважении ко всеобщим этическим принципам. Олимпизм провозглашает императивную цель олимпийского движения – способствовать построению лучшего мира путем воспитания молодежи средствами спорта без каких-либо форм дискриминации, в атмосфере взаимопонимания и дружбы, солидарности и честной игры.

Кубертеневская модель олимпизма в качестве специфического мировоззренческого и культурантропологического дискурса явилась некоей попыткой «возврата» к античным идеалам олимпизма, концептуальным оформлением и духовной кульминацией исторически длительной эволюции олимпийских представлений.

В основе концепции Кубертена – идея о праве каждого человека на свободное развитие своих способностей. Пространством, обеспечивающим эту свободу, Кубертен считал занятия спортом в сочетании с занятиями искусством и свободным общением между людьми. Он считал, что спорт должен быть открытым для всех желающих, а не только для тех, кто способен показывать в спорте высокие результаты. «Главное не победа, а участие. Велика победа, но более велико благородное соревнование». Этот принцип содержит одну из главных идей олимпизма: целью спорта следует считать не победу над соперником, а победу над собой, выраженную в продвижении к совершенству. Каждый шаг к совершенству – это улучшение соревновательного достижения, и именно в этом подлинная победа, победа над собой прежде всего. Соревнование, особенно с сильным соперником, – сильнейший стимул для

мобилизации способностей и наиболее полного их проявления. Стремления соперников проявить свои способности в благородном соревновании друг с другом взаимно стимулируют их на продвижение к совершенству. Великое мастерство защиты одного спортсмена (команды) стимулирует проявление великого мастерства атаки его соперником. Этот процесс цикличен, и каждый цикл поднимает мастерство соревнующихся на новый, более высокий уровень, реализуя стремление спортсменов и воплощая смысл, вложенный П. де Кубертенем в понятие «олимпизм».

По мнению Кубертена, спортсмен не должен стремиться к установлению рекорда, к победе любой ценой. Он должен отдавать предпочтение честному, благородному поведению в соперничестве, придерживаясь убеждения, что самое главное – не конкретный результат, выразившийся в очках, секундах или метрах, а отвага, мужество, проявляемые в ходе борьбы за нее, дух борьбы, побуждающий человека к преодолению самого себя, своих слабостей и недостатков. Существует определенная граница, которую нельзя переходить в спортивных олимпийских соревнованиях, как бы ни была желанна победа или установление рекорда. Такой границей он считал этические нормы. Только при нравственном поведении в соперничестве спорт, спортивные соревнования будут выполнять свою воспитательную функцию.

Неблагородное соревнование, допускающее сознательные нарушения нравственных норм и принятых правил ведения спортивной борьбы во имя достижения победы, не позволяет соревнующимся полностью проявить свои способности. Победить соперника, конечно, можно, но при этом исключается продвижение к совершенству, что лишает спорт его изначального смысла.

Основатель современного олимпийского движения считал участниками соревнования не только спортсменами, но и спортивными судьями, создающих всем участникам, в соответствии с правилами, оптимальные и равные условия для реализации целей спорта. Именно поэтому были приняты клятвы участников – спортсменов и судей – в верности олимпийским идеалам, в уважении к сопернику и правилам состязаний.

Поскольку вся спортивная деятельность направлена на совершенствование способностей спортсмена, его личности, то из сферы спорта должны быть исключены все цели, средства, методы и формы организации и проведения занятий, которые могут повредить нравственному, физическому, психическому здоровью зани-

мающихся. Эксплуатация спортсмена не имеет права на существование в сфере спортивной деятельности. Отсюда – требование исключить эксплуатацию спортсмена обществом, государством, предпринимателями от спорта и отделить профессиональный спорт от любительского. На олимпийских соревнованиях спортсмен должен представлять себя, а не государство, отсюда запрет официального определения командного места для государств, представленных на соревнованиях своими гражданами.

П. де Кубертен последовательно проводил в жизнь принцип любительства в олимпийском спортивном движении, запретив прямое и косвенное денежное (или иное материальное) поощрение спортивных достижений или вообще занятий спортом. Эти положения, разработанные под его руководством и при его участии, должны были сделать олимпийским принципом принцип бескорыстия (любительства), а продвижение к совершенству рассматривалось как единственный результат, обусловленный занятиями спортом. Любые другие неспортивные цели считались несовместимыми с идеями олимпизма.

П. де Кубертен видел олимпийский спорт открытым для всех желающих. Он мечтал о непрерывном притоке людей в олимпийскую семью.

Главный замысел Кубертена, связанный с возрождением Олимпийских игр, состоял отнюдь не в простом стимулировании интереса к спорту и развитии его в международном масштабе. В первую очередь, речь шла о том, чтобы последовательно, систематично и эффективно использовать спорт как средство решения педагогических задач, речь идет о значении спорта для «обновления человечества через воспитание» (цит. по: [1. С. 101]).

Важнейшее значение в структуре воспитания играет цель педагогической деятельности – тот идеал личности, на реализацию которого она ориентирована. Целевая установка воспитательной деятельности самым существенным образом влияет на ее содержание, формы, средства и методы. Поэтому Кубертен огромное внимание уделял характеристике того идеала личности, который должен служить целью воспитательной деятельности в олимпийском движении. Он опирался на гуманистический идеал гармонично развитой личности. Этот идеал восходит к идее Платона и Аристотеля о важном значении для развития человека триады, включающей в себя музыку, философию и гимнастику, которые рассматривались как фундаментальные элементы, затрагивающие все аспекты человеческого существования: чувственный, познающий и психологический. Этот идеал связан также с древнегреческим идеалом калокагатии (от греч. kalos – прекрасный и agatos – добрый), который подразумевает прекрасного человека, для которого характерны сочетание внешних достоинств с внутренними, духовными, нравственными качествами, гармония тела и души. Кубертен считал, что картезианское разделение тела и души – двух элементов единого, целостного человеческого бытия, рассмотрение их как двух совершенно независимых друг от друга факторов, ведет к дисгармонии человека. «Поэтому эти два фактора должны быть интегрированы в единое гармоничное целое, чтобы достигнуть эвритмии» (цит. по: [1. С. 103]). Слово «эвритмия» («eu-

rhythmy») Кубертен часто использовал для обозначения своей философской идеи гармонии физических и духовных способностей человека. Формирование эвритмии посредством спорта он считал главной воспитательной задачей олимпийского движения.

В соответствии с таким идеалом личности, который Кубертен мечтал привить всему человечеству в качестве его смысла существования, олимпийскому атлету должны быть присущи совершенные физические качества, здоровье, красота («поэзия») физически развитого тела и движений, а вместе с тем сила духа, интеллект, эстетический вкус, художественный талант, культура речи и общения, высоконравственные качества: честность, великодушие, бескорытность и др. Б. Лоу приводит в своей книге «Красота спорта» рассуждения Кубертена из его «Олимпийских воспоминаний»: «Сущность вопроса состоит в том, чтобы восстановить прочный союз мышц и интеллекта, который был расторгнут. Без сомнения, их союз некогда был плодотворным, однако стоило им однажды отделиться друг от друга под воздействием неблагоприятных условий, как они постепенно пришли к полному обоюдному безразличию, разлука обернулась взаимным забвением. Однако сейчас Олимпия, в прошлом их главная резиденция, восстановлена, точнее возрождена и обновлена. Справедливо, что формы олимпизма теперь другие, новые, но они преисполнены той же жизни, того же содержания. Они, таким образом, могут вернуться в свою резиденцию, но прежде мы, и никто другой, должны подготовить это возвращение» [2. С. 62].

При разработке концепции олимпизма Кубертен учитывал возможные негативные явления, которые могут быть связаны со спортивными соревнованиями и контактами. Он неоднократно указывал на противоречивый характер спорта. Обращая внимание на все возрастающее значение спорта, на то, что «его роль в современном мире такая же большая, какой она была в Античности», Кубертен одновременно подчеркивал: «Сегодня, как и в прошлом, влияние спортивных соревнований может быть и положительным и отрицательным, это зависит от их использования и направления развития. Спорт может вызывать как наиболее благородные, так и наиболее низменные чувства; он может развивать бескорыстие и алчность; может быть великодушным и продажным, мужественным и отвратительным; наконец, он может быть использован для укрепления мира или подготовки к войне» (цит. по: [1. С. 102]).

Важным средством «облагораживания спорта» Кубертен считал возрождение «спортивной религии», которая наиболее ярко выражена в олимпийском спорте Античности. Согласно концепции Кубертена, «религия спорта» – это этическая система, не основанная на сверхъестественной божественной санкции и тем самым не являющаяся религией в собственном смысле слова, но обладающая всеми признаками религиозного культа, предметом которого служит спортивная деятельность и те, кто достигает в ней совершенства. Зажжение олимпийского огня, шествие, клятва, торжественные обороты речи на современных Олимпийских играх – все это восходит к религиозному ритуалу Античности.

Особое место в концепции олимпизма Кубертена занимает идея интеграции спорта с искусством и куль-

турой в целом. В объединении спорта с искусством он усматривал важное условие решения воспитательных задач олимпийского движения, одно из главных средств гармоничного развития личности, преодоления все усиливающегося разрыва между физическим и духовным развитием людей. Союз спорта с искусством может служить также важным средством поднятия не очень высокого в тот период престижа спорта, а главное – его «облагораживания», т.е. повышения его культурной ценности, для этого проводимые раз в четыре года Олимпийские игры должны включать в свою программу, в отличие от других спортивных соревнований художественные конкурсы. По мысли Кубертена, это должны быть пять конкурсов: произведений архитектуры, скульптуры, живописи, музыки и литературы. Усилия Кубертена принесли свои плоды, хотя он и был разочарован равнодушием деятелей искусства к этой затее, при проведении Олимпиады в Стокгольме (Игры V Олимпиады).

Атмосфера состязательности античного греческого общества, как известно, сформировала высокую культуру, которая позволяла грекам ощущать свое духовное превосходство над «варварами», т.е. над всеми остальными народами, которым все это было не свойственно. Агонистика завоевала классическую Грецию, влияние и дух спортивных состязаний распространились повсюду. Этот процесс был настолько всеобъемлющ, что уже в VII–VI вв. до н.э. элементы агона проникают в философию, политику, искусство – интеллектуальные состязания, выступления риториков и ораторов в народных собраниях, судебно-процессуальные споры истцов и ответчиков, публичные соревнования драматургов и поэтов. Агон был той цивилизованной, узаконенной формой борьбы, где находила свое воплощение жажда заявить о себе и «стремление всегда и во всем быть первым» [З. С. 199]. Индивиды имели возможность меряться силами и талантами в борьбе, которая предполагала, что ее участники обладают равным социальным статусом, принадлежат к одному и тому же цивилизованному сообществу, именуемому миром эллинов.

Безусловно, что агонический дух ярче и зримее всего проявил себя на олимпийских ристалищах. Победа на Играх была не просто индивидуальным делом и не банальной демонстрацией физической силы. Она была данью уважения к богам и способом наиболее полной самореализации и превосходства себя как личности. Бег и прыжки были не самоцелью, а средством реализации идеала, который разделяли все те, кто принадлежал к греческой культуре.

Гомер, Гесиод, Пиндар убедительно показали, что «благородная цель» (*philotimia*), которая направляла усилия греческих атлетов, – не только поиск славы, но, прежде всего, самореализация человека и стремление воплотить во время Игр так называемый «олимпийский идеал».

В 776 г. до н.э. в небольшом поселке Олимпия, расположенном в древнегреческой области Элида, состоялись первые соревнования, давшие старт будущим Олимпийским играм. Эти состязания постепенно приобрели большую популярность во всей Греции, сделав олимпийский праздник панэллиническим, а олимпиоников – национальными героями. Сначала в атлетических

праздниках принимали участие только бегуны, и это отражало приоритеты той эпохи: греки отдавали предпочтение скорости, а не выносливости и силе. Но по прошествии некоторого времени в программу олимпийских игр вошли, кроме бега, борьба, метание диска, гонки колесниц, кулачный бой. Чтобы найти удачу, отнюдь не каждый атлет мог отправиться в Олимпию по своей воле или по своему желанию. Город направлял лучших из лучших, устраивая им отборочные состязания, несколько месяцев атлеты готовились к соревнованиям. Олимпийские наставники подняли подготовку атлетов на высокий уровень. Им были известны типы телосложения, приемы психологической подготовки, системы спортивного питания и диеты, они знали средства развития скорости силы, выносливости.

Обращаясь к вопросам подготовки древних атлетов к состязаниям и их бытового поведения, мы сталкиваемся с таким уникальным явлением культуры, как аскеза. Во всемирной философской энциклопедии под аскезой понимается отказ от материального ради духовного. Между тем буквальное значение слова *aske* (греч.) – упражнение в чем-либо – техника телесных и ментальных практик, служащих средством к достижению сверхчувственных целей: этического идеала, мистического совершенства. Тренировка древних атлетов имела характер религиозной аскезы и, как всякая тренировка, ставила своей целью предельное развитие способностей, обеспечивающих успех в состязании. Развивались эти способности посредством предписаний и запретов, складывающихся в процессе развития спортивной практики, наблюдений и обобщений результатов. Формы аскезы многообразны и традиционны для каждой общественной группы, однако допустима и личная аскеза, правила которой изобретались самими атлетом. Ярким примером личной аскезы было поведение борца Милона Кротонского, жившего в VI в. до н.э., который упражнялся в силе. Помимо тех упражнений, которые считались общепринятыми для развития силы, Милон Кротонский включил в эту аскезу самолично изобретенное правило – ежедневно обносить вокруг городской стены подрастающего теленка, откуда он не превратится во взрослого быка. Этим способом известный атлет и пифагорец Милон поднялся до статуса легендарного силача, сравнимого с мифологическими героями.

С портретом греческого олимпийского атлета была связана целая система этических и эстетических ценностей. Как таковой он должен добиваться совершенного развития своего тела, для этого он должен упражнять и тренировать его терпеливо, настойчиво, преданно. Смысл этих усилий состоит прежде всего в том, чтобы добиваться результатов, которые, хотя и не принесут ему полного удовлетворения, но позволят каждый день становиться все совершеннее, подниматься на все более высокий уровень. Систематическая тренировка, настойчивость в овладении упражнениями, непрерывность усилий, дисциплина – все эти ценности выходят за пределы спорта. Атлет, истощающий свои силы в ежедневном тренировочном процессе, который длится годами и до последней минуты не дает гарантии на успех, является неотъемлемой частью олимпийского соревнования.

Атлет, который готовит себя к встрече с противником, должен обрести особое психическое состояние,

которое поможет ему не терять голову в случае победы и даст надежду в случае поражения. Истинный олимпийский дух предполагает сверхусилие, соединенное с безграничной сдержанностью. Закономерное желание победить, занять ведущее место среди других сочетается с реальной оценкой достоинств соперников. Победа, даже если это победа другого, остается победой для большинства, т.к. это есть победа сильнейшего и потому является подлинным достижением идеала, который вдохновлял атлета в течение длительного периода его подготовки.

Как же воспринимался победитель – человек, добившийся успеха, в общегреческом масштабе? В соответствии с общими особенностями мировоззрения грека для него остается незыблемым то понимание мира, что в целом он не подвластен человеку. Более того, этот мир по отношению к человеку глубоко безразличен и даже враждебен ему, так что человек в конечном счете отдан року, судьбе и, по сути, обречен.

Как при наличии указанных представлений трактуется и оценивается победа какого-либо конкретного индивида в общеэллиническом масштабе? Для грека естественно считать, что победа столь абсолютного ранга не может быть достигнута самостоятельно, с опорой только на собственные силы. Такая победа возможна лишь в случае активной помощи богов. Кто же такой тогда победитель-олимпионик? Он – баловень судьбы, любимец богов! Кого же, следовательно, определяет спортивное состязание – атлета-победителя? – В известном смысле это, конечно, так. Но не только. И даже в первую очередь – не исключительно его. Оно определяет, по сути, лучшего грека. Об этом говорит К. Ясперс: «Часто современный спорт сравнивают с античными играми. В те времена спорт был подобен косвенному сообщению о себе выдающегося человека в его божественном происхождении; теперь об этом не может быть и речи» [4. С. 331–332].

Аналогично оценивает ситуацию российский исследователь М. Гаспаров: «Греческие состязания должны были выявить не того, кто лучше всех в данном спортивном искусстве, а того, кто лучше всех вообще – того, кто овеян божественной милостью» [5. С. 362].

И далее: «Греки времен Пиндара шли на состязания с таким же чувством и интересом, с какими шли к оракулу. Не случайно цветущая пора греческой агонистики и пора высшего авторитета Дельфийского оракула так совпадают» [5. С. 362].

В таком контексте становится понятен тот фантастический почет, который воздавался в Греции олимпийским, истмийским, пифийским победителям. Дело здесь заключалось в том, что присутствие среди граждан полиса или в составе его войска олимпионика или победителя другого общеэллинического агона давало основание полису надеяться на благословение божества. Атлет, увенчанный в Олимпии трижды (олимпионик), или периодоник (победитель на четырех главных играх в течение одного четырехлетнего периода) могли поставить в Олимпии свое изображение. Часто это делали его соотечественники. Некоторые особенно выдающиеся атлеты еще при жизни обожествлялись. Так, периодоник Эфиалий имел право приносить своему золотому изображению жертвы, как статуе бога. Когда

олимпионик возвращался с наградами домой, соотечественники разбирали крепостную стену, и через этот проход атлет торжественно вступал в родной город. Этим давали понять, что городу, в котором живет такой герой, не нужны каменные стены: атлет защитит земляков от любого врага.

Столетиями складывающиеся традиции античного олимпизма начинают колебаться в V в., а в IV в. до н.э. олимпийский упадок уже очевиден: он закономерно совпал с кризисом полисного устройства греческого общества.

Триумфальные победы Александра Македонского обеспечили эллинское государство огромной армией бесплатной рабочей силой, что привело к возрастающей конкуренции для свободных, но не слишком зажиточных эллинов, которым теперь совсем не оставалось времени для занятий гимнастикой, не говоря уже о регулярных тренировках. Могучие, но ограниченные профессионалы сменили их на стадионах. И хотя снижение патриотического и воспитательного значения игр во времена македонского, а затем и римского господства не намного уменьшило интерес к ним зрителей, но такие состязания уже никак не способствовали процветанию спорта в благородном, высоком, истинном смысле этого слова.

Кроме этого, «снижению» олимпийских идеалов способствовал и нарастающий религиозный скептицизм: грек уже не относился к своим богам-олимпийцам с прежним страхом и почтением. А это, в свою очередь, отразилось и на авторитете экехейрии: начиная с четвертой четверти V в. до н.э., священное перемирие уже повсеместно нарушается. Одна за другой были преданы забвению и прочие статьи олимпийского устава. Теперь, например, иностранцы уже допускались к участию в играх: ведь небезопасно было не допустить на Олимпийский стадион, предположим завоевателей-македонян или римлян, впрочем на время игр их объявляли греками. Однако главным могильщиком олимпиад стала христианская церковь. Как государственная религия Римской империи христианство не желало терпеть рядом с собой пантеон эллинских богов и «языческие игры» с их гармонией человеческого тела и разума.

В античном олимпизме древних греков сакральная агонистика репрезентирует глубинную онтологию превосходства сил добра над злом, а в лице победителя персонифицируются воля богов и судьба. Несовместимость политеистического античного олимпийского сознания с утвердившейся парадигмой христианского монотеизма обусловила более чем полуторатысячелетний разрыв европейской культуры с древнегреческой олимпийской традицией.

Возрождение олимпизма на рубеже XIX–XX вв. было детерминировано трансляцией идеологии либерализма в сферу спорта. В основных принципах и идеалах олимпизма (взаимопонимание и дружба, добрая воля и мир, недопущение дискриминации по расовым, религиозным или политическим мотивам, честное соревнование, соревновательность между отдельными лицами и командами, а не между странами, соблюдение правил игры, авторитет арбитра) легко укладываются в соответствующие фундаментальные ценности

либерализма. Но стали ли эти ценности и идеалы олимпизма целью?

Посткубертеновский олимпизм и олимпийское движение в рамках техногенной цивилизации синтезировали ключевые ценности либерализма и гуманизма в рамках инструментально понимаемого спорта, т.е. эффективного инструмента, служащего для их утверждения и социальной реализации. В современном олимпизме спорт выступает не только в качестве некоего фрагмента культуры, напротив, он есть репрезентативная культура; не случайно в его принципах и идеалах фиксируются соответствующие фундаментальные ценности либерального мировоззрения и современного гуманизма. Производство нового спортивного результата является теперь таким же естественным делом, как и производство новых товаров, новых знаний, новой техники, новых удовольствий и т.д. Современный

спорт, в отличие от античных Игр, оказался лишенным абсолютных ценностей. Десакрализация, а вместе с ней и дегуманизация привели к тому, что в нем во многом утвердился технократический стиль мышления со всем вытекающим из него комплексом проблем (коммерциализация, насилие, допинг и т.д.).

Именно во второй половине XX в. актуализируется проблема явного несоответствия отвлеченно-прекрасных начал и грубо-вещественной реальности олимпийского спорта, стремительно нарастающего противоречия между идеалами и конкретной практикой самого олимпийского движения (дегуманизация и технократизация спорта). Для посткубертеновского олимпизма принципиально важными становятся проблемы метафизического оправдания спорта («спортодицеи») и его антропологического проектирования на иных аксиологических основаниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Столяров В.И., Баринов С.Ю., Орешкин М.М.* Современный спорт и олимпийское движение в системе международных отношений: Учеб. пособие. М.: Анкил, 2009.
2. *Лоу Б.* Красота спорта. М.: Радуга, 1984.
3. *Кессиди Ф.Х.* К истокам греческой мысли. СПб., 2001.
4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
5. *Гаспаров М.* Поэзия Пиндара // Вакхилид: Оды. Фрагменты / Пиндар: Приложения. М.: Наука, 1980.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 22 марта 2010 г.